

ВАЛЕРИЙ ПЕТКОВ

МИСТИКА

РАССКАЗЫ

ШУРОЧКА

Со мной учился в одной группе. Звали Саша, Саня. Кудри пышные, волосы тёмно-русые, нос картошкой примостился на улыбчивом лице. Глянешь и сам непроизвольно улыбнёшься навстречу. Среднего роста. Кривоногий, косолапил заметно. Поэтому научился шить брюки сам, портным не доверял. Курил много, красиво, аппетитно. Проснётся, руку под подушку запустит, достанет пачку, сигаретку вытянет, зажигалкой — щёлк, пару затяжек сделает. С наслаждением. Потом глаза открывает. Синей глазури, ясные, как высокое небо зимой над бухтой Нагаева, в родном Магадане. Хотелось присесть и вместе с ним насладиться хорошей сигаретой.

Зажигалки коллекционировал. Купит или подарят, знали его увлечение, приносили. Разберёт до винтика, потом соберёт. Вызнает секрет. Только скажет: “Вот это экземпляр неплохой”. Попользуется и в коллекцию. Набор отвёрточек, всякие металлические приспособы для такой работы. Как у часовых дел мастера. Аккуратист большой.

ПЕТКОВ Валерий Васильевич родился в 1950 году в Киеве. Окончил Рижский институт инженеров гражданской авиации. Работал на предприятиях Риги. С мая по июль 1986 года призван из запаса и работал на ликвидации последствий катастрофы на Чернобыльской АЭС в качестве заместителя командира роты радиационно-химической разведки. Публиковался в изданиях: “Юность”, “Урал”, “Нижний Новгород”, “Сибирские огни”, “Северная Аврора”, “Традиция & Авангард”, “Ковчег” и др. Автор книг “Скользкая рыба детства”, “Мокрая вода”, “1000 + 1 день”, “Бегал заяц по болоту...”, “Старая ветошь”, “Камертон”, “Оккупанты”, “Хибакуша”, “Предсказать прошлое”. Переводился на латышский, польский, сербский языки. Живёт в Риге.

Раз в месяц мы сдавали кровь в республиканской станции переливания крови. Выгода была очевидной: сытно кормили вкусным обедом. Стакан чёрного “Кагора” наливали, настоящего, ароматного, густого, будто ликер. И цвет — кровь из вены. Полагалось. Считали — так кровь скорее восстановится.

Кроме дня сдачи, два выходных по справке. Тоже — кстати. Платили двадцать три рубля семьдесят копеек за четыреста пятьдесят миллилитров крови. Раз в месяц можно сдать. Это было хорошее подспорье к стипендии.

Как-то занятия пропустили, проспали дружно и на лекции не пошли. Что делать? Решили — кровь идём сдать. Сидим в белом, бахилы, маска. Ждём, когда запустят. Переполох пошёл, Саньку куда-то увели. В прямом смысле — “под белые ручки”. Мы сдали кровь. Ждём, ждём, а его всё нет. Спросили у сестрички.

— На прямое переливание забрали.

Ждать не стали. Вернулись в общагу. Винца купили, спешим кровь восстанавливать. Лёгкость, почти невесомость такая приятная. И мысли светлые. Всё путём. Вечер уже, темнеть начало. Шум, тарарам возле общежития, как будто табор под окнами остановился. Смотрим — такси нараспашку. Санька наш, какой-то мужчина с ним, молодежавый, кульки, пакеты в руках. В обнимку. Видно, весёлые оба. Ничего особенного, вроде, но любопытно. Хотя Санька и на “КамАЗе” однажды вернулся под утро, и на аварийке газовой.

В кафе “Лира” он, было дело, познакомился с хорошими людьми, так получилось. Привёз в общагу шесть человек друзей на горбатом “Запорожце”. Коммуникабельный человек, хотя и немногословный. И вот двое этих весёлых мужчин в расцвете лет и сил вваливаются в комнату, и мы узнаём, что Санька привёз в гости счастливого папу, юного отца маленькой девочки, дочки. Жена его при родах потеряла много крови, и через аппарат прямого переливания, “аппарат Боброва”, ей вводили Санькину кровь. Группа первая, резус отрицательный. Очень редкая группа, как и сам Санька. “По Саньке и шапка”, — шутили общажные остролисты.

— Мама и ребёнок чувствуют себя нормально! — смеялся и плакал счастливый отец. — Мы теперь с Саней пожизненные родственники.

— А ты-то как сам? — пытали мы осунувшегося однокашника.

— Привезли меня на каталке. Голову поворачиваю. Женщина за ширмочкой горочкой такой, только лицо вижу. Мучается. Синяя уже. Едва дышит. Отвернулся, глаза закрыл, молчу. Страшно стало за неё. Тихо улываю, вот, думаю, как он подкрадывается. Пипец. Голубой. Про себя думаю. Потом едва сил хватило со стола сползти! Показалось, что литра два из меня качнули. Пару стаканов порченной всего-то осталось. И сейчас я рухну. Первый раз со мной такое.

Он улыбался, мы все смеялись и разливали вино в гранёные стаканы. Закуски было полно.

Утром ушли на лекции.

Коля, так звали отца маленькой девочки Шурочки, прожил у нас неделю. Они ходили с Санькой вдвоём, в обнимку, к телефону-автомату, в магазин и обратно. Потом бродили по коридорам допоздна. Обнимутся, как братья, и поют весёлые песни. Никто им не сказал ни слова в упрёк.

Рожилицу поехали забирать многие. А мы — всей комнатой. С цветами. Санька галстук надел, рубаху белую. Торжественно.

Стоят они с мамочкой в обнимку и плачут. А мы улыбаемся.

Вспоминаю и думаю:

— Как там Шурочка? Где она теперь? Невеста уже — наверняка.

Санька ушёл рано, полтинник ему не исполнился. В родном Магадане. У меня есть его фотография. Чёрно-белая. Курит, в майке, на кухне, дома. Облокотился и улыбается, прямо в объектив. Свет от окна — и будто нимб у него над головой.

ГРОБ

Старенький автобус отъехал от города, раскручивал хвост пыли, натужно тархтел, подывая на взгорках. В салоне жарко. Пассажиров почти нет.

После деревни Колбановки водитель остановился по требованию у обочины.

Вышли двое пацанов, взвалили на спины рюкзаки и углубились в лес. Водитель тоже вышел, завернул за куст, громко пукнул, оглянулся резко, вроде никого поблизости. Постоял немного, радуясь твёрдой земле под ногами, проследил, в какую сторону пошли пацаны, неохотно влез в кабину и уехал.

Повсюду валялись пустые бутылки, мусор. Лес возле дороги запылённый, грустный, и тень жидкая. Потом посветлел, высокие сосны расступились, пацаны с удовольствием петляли в густом, жёстком подшёрстке поспевающей черники, ощущая под ногами лёгкую влагу из густой глубины веток. Она пружинила под ногами, слеталась мягким ковром, хотелось упасть в его прохладу и лежать, смотреть сквозь ветки в безоблачное небо, отыскивать в вышине жаворонков, заслушаться их пением и ни о чём не думать.

Однако путешественники сильно проголодались и домашние бутерброды съели сразу же, как только сели в автобус. Ехали почти три часа. Потом набрели на уверенную тропу. Вскоре показались среди деревьев выгоревшие до лёгкой белизны армейские палатки на верёвочных расчалках, дорожки, посыпанные серым песочком. Под грибок сидел на лавочке паренёк лет пятнадцати с повязкой поверх белой рубашки, застёгнутой небрежно. Откровенно скучал.

Становилось жарко. В лагере тихо, людей не видно. Саша и Влад решили, что все ушли в поход, потому что лагерь туристический.

Зимой оформили в школе кабинет по химии, их премировали путёвками на сборы в этот лагерь по решению педсовета. Программа пребывания такая: пройти подготовку по теории, напрактиковаться в походах, а по окончании сдать экзамен и получить удостоверение инструктора по туризму третьей категории. Так им объяснили при вручении путёвок. Торжественно, на школьной линейке, в присутствии толстой тётки из района, под общий шум и аплодисменты.

Палатки стояли в два ряда, напротив друг друга, по десять с каждой стороны. По центру большая — штабная. Путёвки у них принял загорелый до черноты, мускулистый мужчина с армейскими замашками, и трудно определить, сколько же ему лет. Звали его Олег Петрович. Он пожурил их за опоздание, за то, что не прибыли вчера, как все, рассказал о порядке в лагере на время сборов, отвёл в палатку в самом конце правого ряда, а по пути сказал, что ребята скоро вернутся из трёхчасового похода. Потом обед и дневной отдых. Вечером — общий костёр.

Мальчики кинули в палатку рюкзаки, вышли к обрыву. Внизу, сквозь деревья, блестела бледно-синяя на солнце река. Хотелось разбежаться прямо с обрыва, задохнувшись на бегу, нырнуть в прохладную воду и купаться, купаться, до ослепления, но этого без команды и присмотра плавука делать было нельзя — Олег Петрович предупредил строго.

Справа высокая, пологая гора. Её огибала тропинка. Саша пошёл по ней. Влад двинулся следом. Немного попетляли. Дышалось хорошо лесным, настоящим воздухом, но в редколесье тени почти не было. Лето выдалось жаркое, и стояла особенная, лесная духота, насыщенная смолянистым, соновым настоем, от которого сразу бросало в пот.

Влад заметил чуть в стороне расселину, спустился. Среди кустов и высокой травы — неприметный лаз. Трава высокая, нехоженая, стреножила ноги и замедляла ходьбу. Он присел, заглянул внутрь, потом втиснулся довольно далеко в узкое пространство. Вылез, поморгал, привык к свету и позвал Сашу.

Гора состояла из плотного, коричневого песчаника, будто сложена из слоёных, поджаристых коржей. Они громоздились вкривь и вкось друг на дружку. Мальчики по очереди пытались пролезть вглубь. Хотя и были оба невысокие и худощавые, но с первой попытки это не удалось. Саша сбегал в палатку за фонариком, осветил. В глубине он обнаружил большую комнату, луч терялся во мраке, не находя упора. Похоже, это была большая полость, и она плавно сбегала вниз, к центру горы.

— Ты знаешь, как в Библии называется пещера? В которой Христа захоронили после распятия? — спросил начитанный Влад.

- Не-а.
- Гроб.
- Чё, точно, что ли?
- Точняк, я те говорю!

Саша предположил, что это тайные ходы бунтовщиков. В этих местах когда-то стоял лагерь со своими людьми атаман Хлопуша Соколов, соратник Емельяна Пугачёва, и про пещеры, сказочный клад разговоров ходило много.

Влад добавил, что, возможно, где-то здесь спрятан клад, и быстро сбежал за багром с пожарного щита.

Стали по очереди расширять лаз. Послышались голоса, смех — это возвращались в лагерь туристы.

Влад и Саша устали, сильно проголодались и решили немного отдохнуть. Стояли, смотрели молча на вход в таинственную прохладу неизвестности.

— Ну вот, мы и добились своего, — сказал Влад, — полезем? А то потом нарубаемся еды, фигушки пролезем.

— Чур, я — первый! — поднял руку Саша.

— Давай, писанём ещё, чтобы меньше внутри было, и двинем, — предложил Влад.

Они повернулись спиной к горе, молча писали. Но всё равно с трудом протиснулись в пещеру.

Неожиданно в глубине, где-то под ногами, послышался гул, потом явственно громыхнуло, тропинка под ногами качнулась. Они оглянулись. Прямо на глазах пластины песчаника сместились, складываясь, будто слои торта “Наполеон” при нарезке тупым ножом. Вход в пещеру наглухо закрылся.

Их долго искали силами МЧС, волонтеров с собаками, но так и не нашли. Объявили в розыск.

Было темно, они медленно продвигались вперёд. Они не знали, сколько прошло времени, но надежды не теряли.

Вскоре где-то вверху показался едва приметный свет, поспешили к нему. Он становился явственней.

Через месяц на берегу реки Большой Кинель, на юго-западе города Бугуруслана, в развалинах женского монастыря во имя Покрова Пресвятой Богородицы, появились двое. Измождённые, в живописных лохмотьях, с горящими глазами. Они приставали с вопросом к посетителям кафе “Кума” по адресу улица Гая, 5: “Как найти игуменью Серафиму?” Хозяин кафе вежливо объяснил им, что монастырь закрыли в тысяча девятьсот двадцать четвёртом году, игуменья давно померла, дал десять рублей и приказал выпроводить.

Мужчины отдалённо напоминали Влада и Сашу. На вид странникам было лет по сорок.

МИСТИКА

Психологом в школе работаю. В субботу проснулась, подумала сразу: где это я? А дома-то проснулась, и такая первая мысль. Большая нагрузка. Всю неделю в школе, по пятницам ещё и вечерняя консультация. Наслушаешься всяких заумей, потом какие-то куски всплывают корягами из памяти.

В ту субботу лежала и думала, что бы записать в дневник? Нет, не графоманить, бумагу марать, не писательства ради, но многое осталось за кадром, и как-то хочется остановить этот кадр, вернуться. Переосмыслить, хотя бы для себя.

Муж к молодой сотруднице дезертировал из семьи. Пока я в школе попадала день-деньской. Два сына выросли, хорошо устроились, жизнь у них интересная, насыщенная, но внуков пока нет. Так что я от одного отплыла, а к другому не причалила.

Всё это отодвигает от семьи, а хочется свои переживания хоть как-то сохранить.

Вчера... да-да, вчера неожиданно. Перед сном уже, в прищуре сонном, набрела в телевизоре. В повторе смотрела фильм “Брестская крепость”.

И там главная героиня — девушка еврейской национальности. Она хромала, ножка у неё... протез, одним словом. Трогательная девушка. Жалко её до слёз.

Всплакнула, легко так стало.

Когда освободили крепость, нашли этот протез, там ещё любовь с этим... солдатиком. Ну, и так, далее. Многие смотрели, не буду пересказывать подробно.

Первый раз прочтала, будучи молодой девушкой. Под сильным впечатлением была. Прочла ещё раз. До сих пор не могу объяснить — почему меня так тронула эта девушка еврейской национальности?

И вот появилось ощущение, что это неспроста, как-то связана и с моей жизнью эта давняя история. Какого-то родства. И не просто, а со всем ходом жизни вообще связана. То есть это какой-то тайный знак для меня, и не так всё просто. Волнительно стало вдруг.

Если присмотреться с самого давнего времени. На уровне ощущений, конечно. Вообще у меня в жизни мистики очень много параллельно происходит, и вот одна из мистик — эта девочка. Приходит ко мне в мыслях, тогда я перебираю в памяти, какие-то детали нахожу, всякий раз новые.

Жизнь идёт, всякое происходит, и десять лет тому назад у меня умер папа. Ему почти восемьдесят было, он лежал, болел, не вставал уже, долго умирал, мучительно.

Только нельзя привыкнуть к болезни. Утомляет и больного, и тех, кто рядом находится.

Он был сиротой. До войны остался без родителей. Одиннадцатым ребёнком в семье. Его отец “родил” в семьдесят лет. Через десять лет его отец умер. Дедушка мой.

Это было до войны.

В баньку пошёл, попарился, лёг спать и не проснулся. Смерть — обзаидуешься, лёгкая, сказочная, можно сказать, смерть.

Всем, извините, в радость. Так ведь и есть, положила руку на сердце. За десять-то лет все устали, да он и сам тяготился уже.

А перед смертью своей папа рассказал историю о том, что его отец, мой дедушка, похоронил жену. Она умерла от голода в Смоленской области, в тридцать четвёртом году был в тех краях сильный голод. Многие дети не выжили. И он выбрал себе новую жену, женщину лет сорока. Она хромала, и её в жены никто не брал. Никому она не была нужна.

Хромала. Куда же ей в такую большую семью? Какой реальный прок? Ей бы самой кто помог, а тут хозяйство неподъёмное.

Это потом, много позже я сообразила, будучи взрослой, в школе уже работала, педагогический стаж уже был приличный, в наше, то есть, время.

И она ему, эта женщина, родила ещё двоих детей. Кроме моего отца, ещё и сестру его родила.

И вот они жили в большом селе, шли бои между немцами и красноармейцами. Война. И эта женщина попадает в гетто. А кто попадал в гетто? Люди еврейской национальности. И во время бомбёжки гетто разбомбили. Все разбежались. Она спаслась с сестрой в подвале своего дома.

Во время очередного налёта бомба угодила в этот дом. Отец нашёл свою сестру и мать. Убитыми. Похоронил их. А ему было только четырнадцать лет. Мальчик ещё.

Это много лет тому назад. Но в чём параллель? Как она проявляется?

Папа, будучи большим человеком, часто и подолгу лежал в больницах. А кто были врачи в советское время? Многие — люди еврейской национальности.

И вот она, его дочь, с ними общалась. И они всегда ему говорили, открыто, мол, ты такой же Иван, как мы — Йоси!

Они его везде принимали за “своего”. Вот в чём секрет.

И это наводит на размышления.

Когда у меня умерла мама и классная руководитель, еврейка, привела в наш дом свою подругу, они были обе уверены, что мой отец еврейской национальности и ему делались намёки на возможный брак подруги, тоже еврейки.

Вопрос этот в нашей семье никогда он не поднимал, на кого похож. А фотографии бабушки не сохранилась. Некоторые черты проглядывались, это я уже тоже, потом определила.

И вот, перед самой смертью отец рассказал историю о том, что его мама была хромая на одну ногу, у неё был небольшой протез. Ей было сорок, а дедушке семьдесят — такая огромная разница. И она погибла во время войны, а когда папа умер, я не успела его расспросить подробнее. Сам же он никогда об этом ни рассказывал. К тому же он был контуженный, сложно общаться. Так и не успела его расспросить. Жаль, конечно.

И когда я его похоронила, в горестных раздумьях о прошедшей жизни вдруг вспомнила “Брестскую крепость”. Почему тогда, ещё не зная даже этих маленьких, важных деталей, всё-таки связала со своей судьбой этот роман? Что это? Подсознание? А где тогда — Бог? Разве подсознание не есть Бог, если оно всё знает?

Одним словом — мистика.

Летом я работала в семье новых русских в Ницце, с детьми. Пригласили воспитательницей. Когда пришла на консультацию к психологу, который врачевал Феллини, общались через переводчика. И он вдруг, сразу стал рассказывать про своего клиента, Феллини. Как они сидели в кафе, в Венеции.

Я сразу представила эту шляпу, этот знаменитый шарф. Так живо всё мне представилось.

И он его консультировал по поводу Мазины, актрисы. У Феллини было много женщин, которых он любил, однако одну женщину он любил всю жизнь, но сексуальной связи никакой с ней не было. По одной простой причине: как только она вступила бы с ним в сексуальную связь, он сразу бы умер.

“Чёрная вдова”.

Я его выслушала и в конце не выдержала, спросила, какая тут связь со мной?

А вот это ты должна понять сама, таков был ответ.

Совсем меня заинтриговал он этим ответом.

И вот они приезжают, гуляют по прекрасной Венеции. И я вспоминаю то общение. Приплыли на гондолах. Маленькая площадь. Кафе, сидим, наслаждаемся видами, хорошим кофе. С подругой, тоже психологом. Уютно, комфортно внутри, как-то даже тепло. И такое странное ощущение присутствия Феллини. Физическое ощущение, реальное. Осязаемое такое чувство, что он сидел здесь и вот здесь, на этом стуле. Неистребимое ощущение полного его присутствия.

Незримого присутствия.

Кожей почувствовала.

Я часто это вспоминала всё, помнила ту встречу в мельчайших деталях. Вот сидят они тет-а-тет, и проходит много времени.

И поднимаемся из-за столиков, пришло время уезжать. Уходим с этой крохотной площади, я бросаю прощальный взгляд, поднимаю глаза и вдруг вижу, что сидели мы на фоне окна большого книжного магазина и крупная надпись — “Владелец магазина — Минигетти”. Психолог Феллини. Мой любимый врач.

Словно он стоял сзади, за спинкой стула, пока я с подругой кофе пила. Потрясающая мистика.

К чему это я? К тому, что с еврейской национальностью отца я не могла ошибиться. Ну, никак! Тут уж точно — мистика заканчивается.

КАТОК

Каток мне нравился. До него было несколько остановок. Я ездил туда один. Желающих среди соседских детей составить мне компанию не находилось. Автобус петлял по району, потом двигался вдоль “Шанхая”. Когда-то здесь добывали щебень. Потом в заброшенном карьере настроили хибар, “нахаловка” разрослась до размеров большого посёлка. Это был опасный,

бандитский район, в который можно войти, но не всегда выйти. Особенно в ночное время. Автобус ходил редко. Пока я добирался до катка, наступала ночь. Со всех сторон спешили на каток группы детей и взрослых.

Каток слышен издалека. Он занимал место в середине настоящей, морозной зимы. Мне было важно доказать себе, что я пересилил страх и поеду кататься.

Празднично играла музыка, сверху горели большие фонари в круглых отражателях, по кругу плавно катились группы на коньках, ножи звонко резали лёд, бодрый морозец веселил и заставлял двигаться. Клубы пара поднимались над толпой.

С краю — небольшая будка, “кафе”. Булочка и кофе с молоком. Бурая жидкость. Горячая, приятно держать в озябших руках гранёный стакан.

Мне нравился этот ритуал. А ещё нравилось разогнаться и влететь в сугроб у края катка на виду у стайки смешливых девчонок, косички из-под вязаных шапочек.

Кто-то мчался, заложив руки за спину, плавно раскачивался в такт на “ножах”, словно это были соревнования в беге. У меня, как у многих, были прикручены к валенкам простые коньки.

Можно было взять напрокат “дутьши”, с ботинками, но я привык к своим.

Смех, шум.

В разгар веселья я нет-нет, да вспоминал о том, что надо добраться домой. Стынуть в полумраке, одному, у края бандитского района и ждать автобус грустновато.

Это омрачало праздник, который драгоценно сверкал на катке, и я заранее готовил себя к тому, что неизбежно надо возвращаться. Мысль пойти пешком примерно три остановки даже не возникала, потому что пришлось бы идти через “Шанхай”.

Время позднее, машины не ездили. Я стоял у края, посёлок через дорогу затаился в чёрной темноте котлована, подсвеченный снегом у края тропинки, между кособоких, кривоватых домишек.

Ярко светила луна. Воздух потрескивал, наэлектризованный морозом и опасностью. Казалось, вот сейчас из тени выйдет мрачная фигура, бандит, пряча лицо в поднятом воротнике, криво улыбнётся, белая фикса ослепит смертельным лучиком моё лицо, и он спросит хриплым голосом, какую-нибудь ерунду, чтобы отвлечь внимание и сразу же совершить нападение.

Я холодел от этой мысли, не задавал себе вопроса — зачем я нужен этому рецидивисту, и замерзал, мысленно умоляя, не знаю уж, кого, чтобы поскорее приехал автобус.

И вот с противоположной стороны медленно, на скользкой дороге, неуверенно едет самосвал. Его странное появление в это время нагоняет на меня настоящий ужас.

В это время из “Шанхая” на дорогу выбегает мужчина. Очевидно — он спасается бегством. Это его последняя надежда, и он ничего не видит вокруг. Во что бы то ни стало ему надо спастись. Растерзанное пальто, шапка кое-как держится на затылке. Он машет руками, старается удержать равновесие на скользкой тропинке, слышно, как тяжело он дышит, большое, белое облако пара над ним серебрится в лунном фиолете ночи. Выбегает на дорогу, бежит в мою сторону, наперерез самосвалу.

Я забываю о холоде, заворожённо смотрю на самосвал, мужчину, понимаю, что вот сейчас они встретятся, произойдёт непоправимое, но не могу закричать от странного оцепенения. Боковым зрением вижу, что водитель заметил бегущего, пытается затормозить, пустой самосвал юзит на льду, но беглец не видит ничего, он сосредоточен полностью на желании не упасть, спастись от преследования.

Да, я уверен, что он не видел ни самосвала, ни меня. Что-то смертельно опасное заставило его спастись бегством.

Они сближаются неотвратимо, роковым течением несёт их друг к другу, и они... вот, сейчас это случится, а я, да и никто из нас не в силах это изменить.

Самосвал на приличной скорости ударяет в бок, сбивает мужчину. Я вижу, как он отлетает от металлической балки бампера, словно мячик, подпрыгивает несколько раз на скользкой дороге, каждый раз приземляясь всё ниже, и вот он напоследок взмахивает руками, катится по дороге, довольно далеко. Потом резко застывает опустошённой куклой без опилок внутри, но внешне в скомканном объёме пальто. Ботинки слетают, падают в сугроб. Он лежит в шерстяных носках, изломанный, безразличный ко всему. И не подаёт признаков жизни.

Самосвал наконец-то останавливается почти рядом с ним. Косо, капотом в сугроб. Водитель распахивает дверцу, вылетает из кабины, встаёт на колени, склоняется, смотрит на лежащего перед ним мужчину, пытается определить, жив ли он?

Подъезжает почти пустой автобус, заслоняет ненадолго происходящее. Водитель автобуса косится влево через окошко, смотрит равнодушно. Автобус медленно трогается с места, выезжает к центру дороги.

Странная тишина, я оглох и, кажется — навсегда.

Я сажусь на заднее сиденье, поворачиваюсь, жадно смотрю на страшную пантомиму за окном. Она уезжает от меня, человек на пологом льду уменьшается. Потом картинку заслоняет перекошенный самосвал, но вскоре и он принимает игрушечные размеры.

Я часто смотрю это “кино” без звука. Как режиссёр собственного фильма воспоминаний и как участник съёмок.

Почему мы все оказались там — тогда?